

КАФЕДРА ВОСПИТАНИЯ ЧУВСТВ

БЕСЕДА С ГЛАВНЫМ
РЕЖИССЕРОМ ТЕАТРА
им. А. КОЛЬЦОВА

РАНЕЙ ВЕСНОЙ шестьдесят шестого я приехал в Москву, чтобы встретиться со своим добрым товарищем.

Словоохотливый дежурный студентского общежития ГИТИСа на Трифоновке совсем бесстрастно пояснил:

— Это вы зря — прямо в общежитие. В театр, миленький, езжайте. В театр. Там же «Трехгрошовая опера». И все на ней... Все, все... Счастливого!

Мой товарищ, Глеб Дроздов, он же ассистент режиссера и исполнитель одной из ролей «Трехгрошовой оперы» Брехта, очень сдержанно говорил о спектакле, о той праздничности встречи с настоящим искусством, которую уносили из зала многочисленные зрители.

— Об этом после. Так будет лучше.

И я понимал, что «лучше». Спросите художника, сделавшего только что последний мазок на холсте, как создавалась картина, что на кончике кисти нашлось, что потерялось. Ответ — экспромт исключен. Вдохновение не перечеркивается последним мазком, не останавливается одним рывком, как поезд стоп-краном.

...Мы так и не подошли с Глебом вплотную к разговору о «Трехгрошовой опере» в тот вечер.

Я хорошо запомнил другое. Его откровение о своем педагоге, давшем Глебу и его сокурсникам удивительно тонкий, удивительно щедрый инструмент, имя которому — творчество. Это большой советский режиссер, человек неизмеримых дарований, профессор, заслуженный деятель искусств РСФСР, ныне главный режиссер театра имени Маяковского Андрей Александрович Гончаров.

— Я всегда не перестану удивляться работоспособности Андрея Александровича, его умению каждой клеткой сердца чувствовать спектакль, находить еще и еще варианты, когда казалось, что родник их исчерпан до дна. Его душевный магнетизм, его школа и, наконец, беспощадное требование — правды и только правды на театральной сцене — это... это, понимаешь, на всю жизнь.

...Утром мы расстались в институтском сквере, не назначив новой встречи, доверив ее житейским неисповедимым тропам, которые пересеклись через несколько лет здесь, в Воронеже...

— Первый самостоятельный спектакль, преддипломный, поставил в Рыбинском театре — «Чти отца своего». Сказать, чтобы очень трудно было — нет. Дело в том, что магнетизм моего педагога, Андрея Александровича Гончарова, был, что называется, на расстоянии сердца. А вот чем дальше, тем труднее. Особенно, когда имеешь дело с материалом социально острым, откровенным, без полутонков. С одной стороны, приходится излагать свои мировоззренческие позиции через авторские. С другой — авторские через свои. И когда и та и другая стороны совпадают, чувствуешь настоящую человеческую радость.

Я — за театр социально острый, боевой, насыщенный, за театр беспощадный, который бередил бы страсти людей, который бы затрагивал самые глубинные струны души. Русский театр в основе своей — театр эмоциональный. Это его главное русло, его традиция, его характер.

Чувства, а не механический разум, — вот он, на мой взгляд, вечный двигатель русского театра, и нарушить это — значит сфальшивить перед собой, перед зрителем, перед искусством.

— Скажи, Глеб (Глеб Борисович, — спешу поправиться), в каких случаях режиссеру легко и когда — трудно?

— Легко идти той дорогой, — отвечает он, — по которой до тебя прошли другие. Чужие решения, чужие находки — это легкая ноша. Только нести ее безрадостно.

У меня есть правило — не ставить уже виденные мною спектакли. Исключение, пожалуй, — «Фальшивая монета» А. М. Горького — спектакль, виденный еще в студенческие годы. Но решил эту пьесу совершенно в ином сценическом

ключе, совершенно с других позиций.

...Я помню этот спектакль. Видел его сравнительно недавно по первой программе телевидения в постановке Бакинского русского драматического театра имени Самеда Вургуня. Режиссер спектакля — Г. Б. Дроздов. О московских гастролях театра широко писала центральная пресса. Вот, в частности, один абзац из газеты «Правда» от 2 сентября 1969 года. Статья «Границы возможностей»:

«...Даже ставя такую грустную пьесу, как «Фальшивая монета», молодой режиссер Г. Дроздов в своем остром, гротесковом — фантазматическом представлении стремится утвердить мысль о необходимости активности человека».

Активность чувств, активность утверждения высокой меры в жизни, активность борьбы со всем ржавым, наносным, чуждым нашему духовному миру, — вот та правда, которую призвано утверждать искусство вообще и театр в частности. Это, пожалуй, главнейшая из традиций русского театра, беречь и утверждать которую — самый высокий долг.

— Мне очень дорог Лесков с его горячей страстью, Островский, Гончаров, яркий сатирик Сухово-Кобылин, — рассказывает Глеб Борисович. — Ну, а что касается зарубежной классики, то — Шекспир. Тысячу раз Шекспир.

— Стало быть...

Мне не удается закончить фразу: мой собеседник опережает вопросительный знак.

— В репертуар театра мы включаем доселе неизвестную композицию — хронику «Генрих IV», сделанную Владимиром Рецетером. Впрочем, о названии, вероятно, можно и подумать. Во всяком случае, Шекспир займет достойнейшее место в репертуаре театра.

Нынешний театральный сезон, безусловно, не обычный. Ленинская тема — это красивая строка творческого коллектива, это самое сокровенное слово, обращенное к зрителю.

В дни Ленинского юбилея на сцене театра имени Кольцова будет возобновлена пьеса Шатрова «Шестое июля», на столе у режиссера — новая пьеса драматурга Салынского «Мария», которая утверждает высокую ленинскую правду: бороться за чистоту человеческих сердец. В центре пьесы — образ молодой женщины, секретаря райкома, которая выполняет свою высокую миссию, говоря словами поэта, «не по службе, а по душе».

К 25-летию победы над фашизмом зрители увидят произведение Леонова «Нашествие», пьесу, вошедшую в золотой фонд советской драматургии. «Выпьем за Колумба!» — эту пьесу Жуховицкого театр адресует молодому зрителю.

Творческий коллектив хорошими узами связан с воронежскими драматургами, имена которых прочно впишутся в театральную афишу.

— Хорошая традиция утвердилась в театре, очень хорошая, — говорит главный режиссер, — это готовить внеплановые спектакли в свободное (впрочем, когда оно бывает?) от работы время. Эту традицию, рожденную молодежью, что называется, единогласно поддерживает и старшее поколение актеров.

«...Тише. Идет репетиция». И я слышу сквозь приоткрытую дверь голос своего собеседника, своего коллеги (журналистика — его давнее увлечение) Глеба Борисовича Дроздова:

— Убеждать. Надо убеждать правдой.

Я не знаю, кому адресованы эти слова. Исполнителям какой мизансцены, какого спектакля?

Вероятней всего они адресованы прежде всего всем тем, для кого театр — это самая высокая кафедра воспитания чувств, для кого театр — самая счастливая минута жизни.

Гр. ШИФРИН.

На снимке: главный режиссер театра им. А. Кольцова Глеб Борисович ДРОЗДОВ.

Фото В. Коваленка.

«Молодой историк»
Г. Воронен